

Улица Тяомин расположена в северо-западном углу города Чжуцюань. Когда-то здесь теснилось множество скобяных мастерских, а теперь остались лишь старые дома, превращенные в склады, окруженные кольцом жилых зданий, ожидающих сноса. Дед У Е был владельцем мастерской, и их семья жила здесь очень долгое время.

Тяомин была слишком узкой, забитой торговцами овощами и всяческими тележками, поэтому Чэнь Чжэну пришлось оставить машину в переулке напротив. Он пошел пешком, по пути купив блинчик у уличного торговца завтраками.

Старый дом семьи У находился в самой глубине. Стоило миновать самый оживленный участок у входа на улицу, как время будто повернуло вспять, в прошлый век: неровная мостовая из синего камня, сточные канавы по бокам дороги, а если поднять голову — в коридорах вдоль домов потягиваются мужчины и женщины в нижнем белье.

— Вы кого-то ищете? — подозрительно спросила женщина средних лет, сидевшая под деревом и чистившая каштаны.

Здесь жили только старые знакомые, и внезапное появление чужака, который к тому же всё осматривал, вызывало подозрение.

Чэнь Чжэн смекнул, что тетушка настроена на общение и, если её разговорить, расскажет немало.

— Я ищу У Е, — сказал он.

— Кого? — тетушка замерла, шепнула что-то соседке и вдруг просияла. — А, вы про мальчишку из семьи У? Хат, он и его сестра тут сто лет не живут. Вон их дом, видите, на двери сколько пыли!

Она указала на третий этаж по диагонали позади них.

В таких старых домах весь этаж просматривался насквозь: двери и часть окон выходили в общий коридор. Человек, стоя внизу, мог отчетливо видеть каждую квартиру. Чэнь Чжэн поднял взгляд: на третьем этаже перед каждой дверью громоздились вещи, на перилах сушилась одежда, и только одна дверь выглядела совершенно пустой. Это и был дом У.

— Почему они здесь больше не живут? — спросил Чэнь Чжэн.

Видимо, антимошенническая пропаганда полиции за эти годы принесла плоды, потому что тетушка насторожилась:

— Вы сначала скажите, кто вы такой.

Чэнь Чжэн решил не ходить вокруг да около и показал удостоверение:

— Провожу проверку биографии У Е.

Узнав, что перед ней полицейский, женщина тут же расслабилась и затараторила:

— О! Ну тогда спрашивайте что угодно, расскажу всё, что знаю!

У Чэнь Чжэна не было конкретного вопроса, на который ему позарез нужен был ответ — чем больше пустой болтовни, тем больше зацепок.

— Место здесь кажется довольно спокойным, почему семья У уехала?

— Да развелись те двое! — Тетушка продолжила с треском чистить каштаны и вздохнула. — Я бы тоже развелась. Мужик этот из семьи У был гнилой, не человек, а одно название!

В таких старых кварталах сплетни разлетаются быстрее ветра. Старшее поколение семьи У держало свою мастерскую, они были трудолюбивыми и упорными, дела шли в гору. Позже их сын, У Чжан, взял в жены девушку из деревни по имени Ли Пин. Поначалу всё шло неплохо, соседи даже завидовали, но как только Ли Пин родила дочь, покою в доме пришел конец.

Старики хотели внука. У Чжан решил, что рождение дочери — признак его собственной никчемности, мол, перед людьми стыдно, и начал вымещать злость на жене. Старшие не только не мешали ему, но и всячески изводили невестку, сваливая на неё самую черную работу.

Ради защиты дочери Ли Пин терпела невыносимые страдания и побои. Она хотела родить сына, но несколько лет ничего не получалось.

Трудно сказать, не стало ли наказанием за мучения невестки то, что в мастерской произошел несчастный случай с рабочим. Пришлось выплатить огромную компенсацию, и бизнес покатился под откос. Но нет худа без добра: через шесть лет после дочери Ли Пин наконец родила сына — У Е.

Казалось бы, теперь-то жизнь наладится? Но У Е родился болезненным. До года ему несколько раз выдавали уведомления о критическом состоянии. Семья потратила кучу денег, а старики каждый день попрекали невестку тем, что ребенок пришел «требовать долги».

Когда У Е исполнился год, старик У скончался. Его сын, знавший только, как бить жену, оказался бесполезен. Мастерская была на грани закрытия, и только благодаря невероятным усилиям Ли Пин удавалось заработать хоть какие-то копейки на еду.

Вскоре умерла и старуха У. У Чжан, лишившись всякого контроля, днем пил, а по ночам играл в карты. Проигравшись, он возвращался домой, избивал Ли Пин и отбирал деньги, которые она откладывала на учебу детям. Ли Пин за эти годы, ведя дела мастерской, научилась договариваться с партнерами, обросла связями и повидала мир — разве могла она и дальше терпеть этого никчемного неудачника? В порыве ярости она подала на развод. У Чжан опешил: то плакал, то орал, не давая согласия. Но это не помогло — сотрудники домкома, вдоволь насмотревшиеся на побои, дали показания в суде.

Встал вопрос, с кем останутся дети. Ли Пин хотела забрать и У Е, и старшую дочь У Тао, но реальность была сурова: у У Чжана, хоть он и был отбросом, оставался дом и мастерская, а у неё — ничего. В итоге, опасаясь, что дочь погубят в этом притоне, она выбрала У Тао. У Е остался с отцом.

Можно представить, какая жизнь началась у мальчика без матери и сестры. У Чжан вымещал всю свою ненависть на сыне; не было и дня, чтобы на теле ребенка не было синяков.

Тут тетушка высказала и свое недовольство Ли Пин:

— Вот как можно было бросить младшего? Понятно, карьера, дела, но нельзя же так! Хорошо хоть сестра его, У Тао, потом вернулась.

Ли Пин через полгода снова вышла замуж и занялась грузоперевозками вместе с новым

мужем. У Тао часто оставалась дома одна и тайком бегала навещать У Е, подкармливала его чем-нибудь вкусным. Она была старше брата на шесть лет, четырнадцатилетняя девочка, но всё равно не могла вырвать его из этого удушающего дома.

Тетушка с облегчением добавила, что, видимо, Бог всё видит: в одну дождливую ночь этот мерзавец У Чжан отправился играть в карты, пил во время игры, свалился в реку и утонул. Тело нашли только через несколько дней.

Вот тогда У Е был окончательно спасен.

Неизвестно, что У Тао наговорила матери и отчиму, но вскоре она переехала обратно к брату. Хотя оба они были несовершеннолетними, они наладили быт и жили вполне достойно. Позже У Тао поступила в университет, вышла замуж в другом городе, и У Е снова остался один.

Но к тому времени он уже вырос и перестал быть тем беспомощным ребенком, который не мог дать отпор домашнему насилию.

— По моим ощущениям, после того как У Тао съехала, У Е тоже перестал здесь часто появляться, — сказала тетушка. — Он же учится, в училище наверняка есть общежитие. А дом наш совсем ветхий, молодежи такое не нравится, и это нормально.

Похоже, тетушка вдоволь насмотрелась на избиения мальчика в детстве, потому что говорила о нем с жалостью. По её словам, он был хорошим, благодарным ребенком: за то, что сестра не бросила его, он любил её больше жизни и всё самое лучшее всегда отдавал ей первой. Вот только характер у него был замкнутый и слабый — он не любил разговаривать, а иногда смотрел так мрачно, что было не разобрать, что у него на уме.

Чэнь Чжэн поговорил еще с парой соседей — мнение у всех было схожим. Тетушка отвела его в домком. Чэнь Чжэн задал несколько вопросов о побоях, и женщины из комитета, вспоминая прошлое, тоже возмущались, подтверждая, что У Чжан бил и жену, и сына.

Когда зашла речь о смерти У Чжана, одна из женщин тут же отрезала:

— Это был несчастный случай. Полиция приезжала, проверяла. Просто он столько зла в жизни сделал, что сам и оступился.

Чэнь Чжэн кивнул. Смерть У Чжана вызывала у него сомнения, но у местных жителей явно был свой готовый ответ.

Снова подошла тетушка с каштанами, на этот раз приведя с собой сына:

— Вот мой парень, Цянцян. Они с У Е одноклассники, в детстве часто играли вместе. Спрашивайте его о чем угодно.

Цянцян выглядел недовольным:

— Мам, я с ним не особо дружил. Не втягивай меня в неприятности, а?

Тетушка хлопнула сына по спине:

— Ах ты! Помогать полиции — долг каждого гражданина! Что за невоспитанность?

Цянцян закатил глаза, но, не в силах переспорить мать, нетерпеливо посмотрел на Чэнь Чжэна:

— Спрашивайте.

Чэнь Чжэн отвел парня в сторону на пустую площадку перед домкомом и протянул ему сигарету. Цянцян замер, еще раз оглядел полицейского и, взяв сигарету, заметно расслабился.

— Моя мать вечно лезет не в свое дело, — пробурчал он. — Я правда не был близок с У Е.

— А знаешь, с кем он был близок? — спросил Чэнь Чжэн.

Цянцян фыркнул:

— Да с кем такой, как он, может сойтись? Мрачный, как змея. На нашей улице не было ни одного парня, кто бы с ним поладил. Это только моя мать и другие тетki думают, что он бедный-несчастный, да и то — в основном из-за его сестры за ним приглядывали.

Чэнь Чжэн почувствовал, что у Цянцяна накопилось немало претензий к У Е, и подтолкнул его:

— Почему «как змея»?

Лицо Цянцяна, до этого полное раздражения, вдруг выразило тень страха. Он вздрогнул, будто по нему скользнуло холодное змеиное тело.

— Он с нами не разговаривал. Но бывало, мы играем, веселимся, оборачиваемся — а он стоит. И просто смотрит. Знаете, так неподвижно, не мигая... Очень жутко.

— Он просто так на вас пялился?

Цянцян смутился и почесал затылок:

— Ну... не совсем. У него же сестра была, помните? Она старше нас и очень красивая. Мы тогда были мелкими пацанами в средней школе... ну, знаете, всякие мысли дурные в голове. Сами подойти боялись, но вечно собирались кучей и обсуждали её, мол, она такая и сякая.

Чэнь Чжэн всё понял: обычный подростковый треп и грязные шуточки.

— Мы просто языками чесали, честное слово! — оправдывался Цянцян. — Она уже в университете училась, у неё парень был. Что мы, школота, могли ей сделать? Да и вообще, она, может, человека убила — мы её за версту обходили.

— Человека убила? — переспросил Чэнь Чжэн.

— А, это... — Цянцян замялся. — Мать запрещала об этом болтать.

— Да брось, — успокоил его Чэнь Чжэн. — Если бы мать была против, она бы тебя ко мне не привела.

Цянцян рассудил, что это логично, и продолжил:

— Ну, отец У Е постоянно бил его и мать, верно? Потом его сестра вернулась несколько раз — она тогда еще в школе училась. И тут отец У Е внезапно помирает. Сказали, в реке утонул, полиция проверяла — всё чисто. Но я помню, как взрослые шептались: мол, это сестра его подстроила, потому что У Е было слишком жалко. К тому же его отец мимо той реки каждый день ходил — чего это он именно в тот день оступился? Но это всё догадки. Мой отец как заикнется — мать сразу его затыкала, мол, это кара небесная, и сестра тут ни при чем.

Чэнь Чжэн вспомнил реакцию женщины из домкома. Похоже, старшие женщины этого района инстинктивно оберегали брата и сестру Ву.

Цянцян добавил, что за эти годы о семье У уже никто и не вспоминал. Он только слышал, что У Е где-то учится, а на кого — бог знает. Убила его сестра отца или нет — его не касалось.

— Ты сказал, что У Е постоянно на вас пялился, — напомнил Чэнь Чжэн.

— А, точно! Просто он терпеть не мог, когда мы про его сестру гадости говорили. Настоящий маньяк по защите сестры!

— Он на вас пялился, а вы его не трогали?

— Хотели, но побоялись, — признался Цянцян. Во-первых, всё еще опасались его сестры, а во-вторых, матери в каждом доме строго-настрого запретили трогать детей У — мол, и так сироты несчастные.

— О, кстати! У Е еще постоянно возился с бродячими кошками и собаками, — вспомнил Цянцян. — Выносил им остатки еды. Был один пацан — не помню кто — он специально миску кошачью разбил. Так У Е на него так уставился... тем самым взглядом. Пацан аж расплакался. Родители того мелкого пошли к сестре У Е разбираться, и он тогда сказал одну фразу — я её до сих пор помню.

— Какую?

— «Животных и женщин нужно защищать», — процитировал Цянцян. — Я-то в целом согласен, но он уж больно палку перегибал. Мы же его сестру не трогали, верно? И тот пацан кошек не бил. Короче, с ним каши не сваришь, он ненормальный какой-то!

После этого Чэнь Чжэн отправился в отделение полиции улицы Тяомин, чтобы поднять дело У Чжана. Дежурный офицер, услышав номер дела, сразу вспомнил его. Он признался, что у них были подозрения, будто У Чжана кто-то намеренно «подтолкнул» к смерти, но улики не было никаких. В ту ночь лил проливной дождь — любые следы смыло. Тело пролежало в воде несколько дней, так что экспертиза ничего не дала. Все свидетели твердили: он был алкоголиком и игроком, так что свалиться в реку по пьяни для него было обычным делом. В итоге дело закрыли как несчастный случай.

Когда Чэнь Чжэн спросил о личном мнении офицера, тот после долгой паузы осторожно заметил: самый сильный мотив был у бывшей жены, Ли Пин, но её в то время вообще не было в городе. У детей тоже был мотив, но они были несовершеннолетними, и допрашивать их приходилось крайне осторожно. В итоге — полный тупик.

Дело давно превратилось в «глухарь», но для Чэнь Чжэна оно открыло новое направление мысли.

У Е вырос в кошмарной обстановке, где мужская фигура в семье была абсолютным злом, а женщины — его единственным щитом. До развода его защищала стойкая мать. Он своими глазами видел, как её избивают, но это не сломило его, а вызвало ответную реакцию — невероятную волю к жизни. Мать тянула на себе весь дом, а позже стала успешной деловой женщиной. А сестра, У Тао, спасла его в самый мрачный период жизни. Брат и сестра выживали одни в пустом доме — сестра была для него всем миром. Она была той, кто защищал его, и той, кого защищал он.

Его привязанность к старшим женщинам и зависимость от них были очевидны.

Но он вырос. У сестры появилась своя любовь, карьера, семья. В конце концов она уехала, и он будто остался на перроне, глядя, как удаляется сильная мать, а следом — сильная сестра.

Что он сделал в этот момент?

Чэнь Чжэн попытался войти в роль У Е и отчетливо ощутил: парень искал «замену» матери и сестре.

И тут появилась У Ляньшань.

На этом имени Чэнь Чжэн на мгновение запнулся. У Ляньшань, У Е... В транскрипции фамилии пишутся по-разному, но звучат одинаково — У.

Судя по описанию однокурсников, У Е не был тем, кто легко заводит подружек. Он должен был оставаться одиночкой, как мох в сыром углу. Однако он не просто нашел девушку, а сошелся с такой активной «старшей сестрой», как У Ляньшань, что крайне удивило всех знакомых.

Сжимая руль, Чэнь Чжэн думал: «Действительно ли у них любовь?» Если У Е искал в ней замену сестре, то что искала в нем сама У Ляньшань? Как она его использовала?

Более того, в глазах У Е У Ляньшань была похожа на У Тао только из-за фамилии? Нет, наверняка были какие-то черты характера. Но У Ляньшань производила впечатление нерешительной особы, в ней не было стати «сильной женщины».

Была ли смерть У Чжана подстроена — неизвестно. Но если в этом замешана У Тао, а У Е видит в У Ляньшань её копию, то дело принимает серьезный оборот.

Какова истинная натура У Ляньшань? Кажется, в этом и кроется ключ к разгадке.

Мин Хань перехватил Сюй Чуаня по дороге на работу. Тот был несказанно удивлен:

— Вы... вы друг начальника Чэня!

Мин Хань, довольный этим обращением, ответил:

— Верно. Я еду в Яфу по делу, и начальник Чэнь сказал, что, если ты хочешь, можешь поехать со мной.

Лицо Сюй Чуаня густо покраснело от восторга:

— Вы берете меня в свое дело?!

Мин Хань рассмеялся:

— К чему такой пафос? Дело, которое ты изучаешь, разве не связано с Яфу? Чего ты добьешься, сидя в четырех стенах? Ну что, едешь?

Сюй Чуань, не раздумывая, запрыгнул в машину.

— Еду! Ой...

— Что «ой»?

— Это же машина нашего начальника Чэня?

Мин Хань развеселился:

— А что, если я его помощник и он отправил меня в Яфу, я не могу взять его машину?

— Можете! — с завистью и восторгом выдохнул Сюй Чуань. — Я давно мечтал посидеть на пассажирском сиденье шефа, но стеснялся спросить. Кто бы мог подумать!

Мин Хань: ...

Когда первый восторг утих, Сюй Чуань суетливо позвонил своему руководству, сообщив, что едет в командировку в Яфу вместе с другом начальника Чэня. Большой босс из института был человеком покладистым и лишь велел парню набраться опыта.

Повесив трубку, Сюй Чуань наконец успокоился и спросил:

— Брат Мин, это всё еще то дело из Бэйе? Как оно привело в Яфу?

— Это долгая история. У твоего начальника Чэня широкий кругозор, а нам, его помощникам, приходится отдуваться, — Мин Хань в каждом предложении поминал Чэнь Чжэна.

Сюй Чуань, тоже боготворивший шефа, горячо подтвердил:

— Наш начальник Чэнь правда гений! Есть куча деталей, которые я не замечаю, и другие тоже, но стоит ему указать пальцем — и всё становится ясно! Вот и с делом Чжао Шуйхэ так же. Я чувствовал, что в Яфу накосячили со следствием. Другой бы начальник велел мне не лезть не в свое дело, но начальник Чэнь в прошлый раз сказал: есть сомнения — ищи до конца! Иначе я бы не поехал с вами.

Мин Хань прокрутил в голове обстоятельства того дела. Чжао Шуйхэ была совладельцем рекламного агентства в Яфу. Её убил подчиненный по имени Сян Юй, которого она долгое время игнорировала и унижала. Однако следствие нашло недостаточно прямых улик; казалось, Сян Юя могли использовать. Но зацепок не было, а сам Сян Юй упорно твердил, что убил её сам, и даже хвастался этим. В итоге дело закрыли.

— И до чего ты докопался? — спросил Мин Хань.

Восторг на лице Сюй Чуаня сменился серьезностью:

— Я хочу лично встретиться с Сян Юем. Хочу услышать от него, как именно он убил Чжао Шуйхэ.

— Значит, встретимся.

Сюй Чуань замялся:

— На самом деле местная полиция не очень-то жалует наш институт. Если я заявлюсь к Сян Юю, они решат, что я ищу ошибки в их работе, и ни за что не пустят.

— Придумай что-нибудь сам, — бросил Мин Хань.

Сюй Чуань ждал фразы «предоставь это мне», но, услышав отказ, немного расстроился. Впрочем, он быстро взял себя в руки:

— Хорошо, я попробую!

— Ого, какой напор.

— Потому что моя цель — начальник Чэнь, — с благоговением произнес Сюй Чуань. — Я хочу стать таким же, как он!

Мин Хань чуть сбавил скорость:

— И какой же он, по-твоему? Ты хорошо его знаешь?

— Конечно! — Гордость Сюй Чуаня зашкаливала, будто он сам уже стал Чэнь Чжэном. — Я знаю, что он был начальником угрозыска в Лочэне. Лочэн! Вы представляете, какой там уровень конкуренции? И он стал начальником до тридцати лет! Это же нереально круто! Раз он смог это сделать так рано, значит, он невероятно талантлив и уникален. Его манера общения, даже стиль одежды — мне есть чему поучиться!

Взгляд Мин Ханя стал задумчивым. Восторженная тирада Сюй Чуаня слилась для него с далеким стрекотом цикад и шумом волн.

— Но его же перевели сюда, — внезапно сказал Мин Хань. — Все знают, что работа исследователя — это синекура. Особенно для начальника, которому даже бумажки перекладывать не надо.

— На то наверняка есть причина! — не сдавался Сюй Чуань. — Может, он выполняет секретное задание под прикрытием в Чжуцюане. Вы все говорите, что институт бесполезен, а люди там — бездельники. Разве это не идеальное прикрытие?

— А если... — начал Мин Хань. — Если он просто надломился на прошлой работе, опустил руки и теперь просто плывет по течению?

— Нет! — отрезал Сюй Чуань, не задумываясь ни на секунду.

— Почему нет? Люди сдаются. К тому же твой начальник Чэнь уже не мальчик.

Сюй Чуань был непоколебим:

— Посмотрите на него — разве он похож на того, кто сдался? Да, в институте он кажется праздным, но стоит ему взглянуть на проблему, которую мы не можем решить, как он тут же указывает на суть. А теперь его еще и в полицию позвали консультантом, он там пропадает целыми днями. Разве это похоже на «плыть по течению»?

На губах Мин Ханя наконец заиграла улыбка.

— И то верно. Похоже, я недооценил начальника Чэня.

Сюй Чуань снова подчеркнул:

— У него точно есть какая-то миссия, о которой мы не знаем.

— Так сильно в него веришь?

— Еще бы! — Сюй Чуань хихикнул. — Я уважаю силу. Он — мой идеал!

Мин Хань рассмеялся. Сюй Чуань насторожился:

— Вы чего смеетесь?

— Да так... Учись лучше у своего начальника Чэня, как одеваться.

Лишь спустя время Сюй Чуань сообразил:

— Вы надо мной издеваетесь!

Приехав в Яфу, Сюй Чуань хотел было хвостиком ходить за Мин Ханем — это была его первая командировка, и он инстинктивно искал опоры в старшем товарище. Но Мин Хань под предлогом разных заданий отправил его действовать в одиночку.

— Только что метил в начальники Чэни, а теперь струсил?

Сюй Чуаня легко было взять на слабо.

— Ничего я не боюсь! — выпалил он.

— Начальник Чэнь велел мне присматривать за тобой. О любых успехах сообщай, — добавил Мин Хань.

Они разделились у городского управления. Мин Хань направился в старый город, на улицу Бацзяо — там находился дом У Ляньшань в Яфу.

Чем глубже он заезжал в старые кварталы, тем ветше становились здания. Экономика Яфу была примерно на том же уровне, что и в Чжуцюане — застой и однообразие.

На улице Бацзяо Мин Хань увидел множество плетеных изделий — оказалось, это улица ремесленников. Внезапно его взгляд зацепился за один прилавок: плетеные подставки под чашки показались ему знакомыми.

Напрягши память, он вспомнил: точно такие же он видел в закуской Инь Гаоцяна.

<http://bllate.org/book/17170/1615529>